

Марина НУРИДЖАНОВА*г. Мурманск*

Чондэ ставит чемодан на потёртый деревянный пол и оглядывается. Дом, который он снял, смотрится удивительно уютно: массивные балки пересекают белый потолок, по стенам комнаты — большие светильники, похожие на керосиновые лампы, а центр занимают две небольшие кушетки, разделённые столиком из тёмного дерева. Чондэ делает вдох, чувствует запах книг и благовоний, потом идёт к противоположной стене — туда, где расположены ещё три двери. Они двойные, выкрашены чёрной краской, потому притягивают взгляд. Чондэ касается створок, чувствует, как согревается дерево под его ладонями, и тянет дверь на себя. Его моментально ослепляет яркий свет полуденного солнца, и в комнату врывается прохладный горный воздух. Чондэ захлёбывается внезапной красотой, которая накрывает его, словно бушующее море. Перед ним Непал — древний, непостижимый, насквозь пронизанный духовностью и нищетой.

Чондэ смотрит туда, где горные исполины вонзаются верхушками в кристально-голубое небо.

Решение отправиться сюда было спонтанным и каким-то неясным для него. Пару дней — на покупку билетов, ещё несколько — на сборы и некоторые формальности. А потом череда самолётов — и вот он здесь.

Чондэ поднимается по скрипящей лестнице в спальню и падает на кровать. Его не покидает ощущение нереальности происходящего. Он не может до конца понять, что погнало его прочь из комфортного Сеула. Чондэ не может спросить себя, что он делает тут, у подножия и вершины мира. Он не знает, как объясниться с собой и чем себя оправдать, а потому закрывает глаза и слушает, как за окном гуляет ветер и гудят предзакатные улицы.

Ужинать Чондэ приходится в небольшой забегаловке, где все таращатся на него, словно на диковинного зверя. Но он не в обиде, пусть смотрят. По крайней мере, тарелка у него чистая и столовые приборы есть. Чондэ неторопли-

У ПОДНОЖИЯ МИРА
рассказ

во ест дал-бат и поглядывает на улицу, где последние лучи солнца стелются по черепичным крышам. В этой стране много голубей и ромбовидных крыш с загнутыми вверх углами.

У него не было планов на вечер, потому после ужина он просто бродит по узким улочкам, глубоко запрятав руки в карманы, и спотыкается носками кед о попадающиеся камни. Уже поздно вечером Чондэ находит маленький ларёк с фруктами и покупает немного чищенных мандаринов и веточку бананов. А потом плутает среди строений в поисках своего дома.

Ночь накрывает ослепительным звёздным куполом.

Хозяин любезно заварил для Чондэ травяного чаю. Он кутается в одеяло, садится у распахнутого окна и, сжимая в руках маленькую чашку без ручки, тонет в звёздном сиянии.

Солнце застаёт Чондэ в кровати и не дает снова уснуть. На часах — около пяти. Утро приходит со звоном посуды. Тело Чондэ бодрит горячий душ — вообще-то, это большая редкость здесь. Он надевает тёплую, непродуваемую кофту, заматывается большим серым шарфом и идёт пробовать момо. Это блюдо — по сути местные пельмени — оказывается на удивление вкусным, особенно под горячий чай из термоса. Чондэ усаживается на каменные ступеньки, ведущие к большому угрюмому зданию, и завтракает, вызывая очередную волну интереса к себе у местного населения.

После завтрака Чондэ держит путь к главной площади.

Вход на площадь платный. Вокруг такие древности, что от волнения у Чондэ перехватывает дыхание. Он бродит по разбитым плиткам, тайком прикасается к стенам храмов, пытаясь украть немного вечности для себя, и чувствует себя песчинкой во Вселенной. Он снова пытается отыскать ответ на вопрос, почему он здесь. Но всё внутри молчит, словно просит ещё немного времени. И Чондэ соглашается, даёт себе отсрочку.

Вечер застал его в небольшом ресторанчике, который держит приятная пара буддистов из Тибета. Чондэ сидит у окна, поджав под себя ноги, и смотрит на горные вершины, булочки из рисового теста он запивает цветочным чаем.

Солнце прячется в суровых отрогах гор, и

вокруг зажигают свечи. Говорят, так экономнее, а Чондэ видит в этом нечто сакральное. Он остается в ресторанчике до поздней ночи, зачарованный капельками огня, играющими на покатых поверхностях глиняных чайников.

Весь следующий день Чондэ проводит в дороге. Автобус везёт его на северо-восток Непала к яркому солнцу и ослепительной Боднатх.

Буддийская ступа поражает Чондэ. Он чувствует силу этого места, прикасаясь к ней кончиками пальцев. Здесь всё кажется слишком личным, и Чондэ боится смотреть людям в глаза. Он идёт к ряду барабанов и крутит их по часовой стрелке.

В голове у него пусто — почти как на тех белых террасах, по которым он бродит. Чондэ слушает монотонное монашеское «Ом Мани Падме Хум» и, склонившись, как тогда на площади, прикасается к камням в основании храма.

Его тянет присесть, и Чондэ опускается на плиточный пол.

Ленты флагов, уходящие вверх, к шпилю, цепляют внимание, и он скользит по ним взглядом. Красные, жёлтые, синие — они развеваются на ветру, и Чондэ молча любит гипнотическим действием. А потом спускает взгляд с «зонтика» ступы ниже, к шпилю, и замирает.

Оттуда, со вспыхивающих золотом пластин, на него смотрят самые печальные глаза мира. Они словно всё знают, всё понимают — читают, как книгу, каждого, кто предстаёт перед ними.

Чондэ теряется в этом взгляде.

В груди у него ёкнуло, будто сердце остановилось на секунды. Чондэ чувствует острое желание сорвать пластыри со всех своих душевных ран. Ему хочется, чтобы за ворохом слов и пережитых разочарований разглядели его самого — такого, какой есть, — больного, усталого от себя и людей, от шума и суеты, от скоропортящихся мыслей и разговоров о достижении какого-то особого вида счастья. Чондэ хочется лёгкости, невесомости, прозрачности бытия. Ему хочется исцеления. Хочется оправдания собственного существования. А ещё — веры... много веры.

И нарисованные глаза не осуждают. Ни в чём не винят. Они будто знают обо всём... и всегда знали, — даже то, в чём Чондэ сам себе признаться не мог.

Этим глазам невозможно врать. Под этим взглядом нет сил обманывать самого себя.

Нет, всё-таки не исцеления Чондэ ищет сейчас. Полного исцеления жаждут те, кто уже пошёл на поправку. А у Чондэ раны ещё кровоточат и болят, он чувствует это каждый раз, когда мысленно накладывает новый пластырь. Значит, он нуждается в обезболивающей мази и тугой повязке для душевных ран. А ещё ему нужно время...

Четвёртый вечер Чондэ проводит у открытого окна в своём съёмном доме. Он пьёт горячий молочный чай, кутается в плед и созерцает. Безвременье ласково баюкает его, и Чондэ благодарно улыбаётся далёким снежным вершинам.

Днём он ходил на автовокзал — в кармане рюкзака лежит билет...

Ранним утром Чондэ прощается с хозяином квартиры и, забрав вещи, едет на запад. Мимо низких домов по недостроенным дорогам на автобусе он едет к большому озеру с красивым названием Фева.

Разбитый асфальт города стелется под колёса, отплёвывается острыми мелкими камешками.

В салоне автобуса Чондэ слышит, как водитель ругается, выворачивая руль.

Автобус приходит в пункт назначения с опозданием в сорок минут, но перед пассажирами никто не извиняется: время в Непале — величина совсем не важная.

Чондэ выходит в прохладный воздух и пару минут стоит оглушенный: всё вокруг, кажется, не имеет времени, — оно вечно. Чондэ завороченно смотрит, как горные вершины утопают в лучах рассветного солнца и, расцветиваясь розоватыми красками, проявляются, словно фотоснимки, на водной глади озера Фева.

На берегу Чондэ нанимает лодку с сине-жёлтыми боками, и лодочник пару часов кружит по воде. Чондэ едва касается ладонью поверхности воды, чтобы не потревожить озеро. Что-то в его безмятежных водах кажется ему благословенным, почти святым.

Лодочник привозит его к берегу и указывает куда-то вверх. Чондэ поднимает глаза и видит белую «Ступу Мира». Он благодарно кивает старику и, расплачиваясь, добавляет несколько купюр сверху положенного.

Чондэ стоит на вершине, у каменных пирис, и слушает тишину, зависшую между снежных пиков.

Он знает, что не вернётся домой...

...к родным... к любимым.

Ему нечего дать им сейчас,

...кроме разбитого, разочарованного себя.

Он так не хочет...

...поэтому остаётся здесь искать свою «тугую повязку».

Марина Георгиевна НУРИДЖАНОВА

родилась в 1985 году.

Журналист.

Пробует себя в литературном творчестве.

Участник форума-фестиваля «Капитан Грей»,

по итогам которого была рекомендована

к участию в заключительных семинарах

«Осиянного слова».

Лауреат конкурса «Северная звезда»

в номинации «Проза» (2020).

Живет в г. Мурманске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

